

A companion to Byzantine iconoclasm / ed. by Mike Humphreys. Series: Brill's companions to the Christian tradition, 1871-6377; volume 99. Leiden; Boston: Brill, 2021. xviii + 630 P. ISBN 978-90-04-33990-3

В 2021 году в известном нидерландском издательстве «Koninklijke Brill» вышла в свет коллективная монография, посвященная византийскому иконоборчеству. 12 ученых из 6 стран мира (США, Великобритания, Германия, Франция, Австрия, Австралия), представляющих разные гуманитарные специальности (история, археология, филология, теология, правоведение), объединили свои усилия для создания компендиума по заявленной проблематике. Целью

создания данной книги послужило желание дать читателям (как профессионально разбирающимся в теме, так и недавно увлекшимся ею¹) основные знания по византийскому иконоборчеству, которые были выработаны в науке на момент написания труда.

Тема византийского иконоборчества не нова для гуманитаристики: она активно исследуется в историографии со времен «Магдебургских центурий» и «Церковных анналов»². Еще в 1973 году П. Браун отметил, что феномен иконоборчества в Византии страдает от «кризиса свехобъясненности»³, а в 1992 году А. Кэмерон назвала византийское иконоборчество «избитым до смерти» предметом для ученых⁴. Тем не менее интерес к истории Византии 726–843 годов всё не затихает и вряд ли когда-нибудь затихнет.

Представленный труд тематически разбит на 5 частей, в которых коллектив авторов задается следующими вопросами. О чем был иконоборческий спор? Насколько велики были материальные разрушения и преследования инакомыслящих? Что вызвало и подпитывало споры? Какие связи, если таковые имелись, были связаны с событиями в Исламском халифате и на Латинском Западе? И как мы можем использовать наши письменные и материальные источники, чтобы предложить ответы на эти вопросы?

В длинном *Введении*⁵, выполняющем также и функцию *Заключения* (после него в книге следуют статьи авторов по различным аспектам византийского

¹ «...both newcomers and specialists». Introduction. P. VII.

² Подробнее о развитии историографии истории Византии периода иконоборчества от XVI до середины XX в. см.: *Сюзюмов М. Я.* Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода // *Византийский временник*. 1963. № 47. С. 199–226.

³ *Brown P.* A Dark Age Crisis: Aspects of the Iconoclastic Controversy // *English Historical Review*. 1973. № 88. P. 3.

⁴ *Cameron A.* The Language of Images: The Rise of Icons and Christian Representation // David Wood (ed. by). *The Church and the Arts (Studies in Church History, 28)*. Oxford, 1992. P. 1.

⁵ *Humphreys M.* Introduction: Contexts, Controversies, and Developing Perspectives. P. 1–106.

иконоборчества), которое написано более чем на 100 страницах и занимает шестую часть всего труда, М. Хамфрис, ответственный редактор издания, обозревает историографию истории Византии иконоборческого периода с конца XIX века по наши дни, погружает читателя в исторический контекст эпохи (в том числе автор обрисовывает историческую канву доиконоборческого периода истории Византии), затем вкратце пересказывает основные положения, которые выдвигаются исследователями в предлагаемой работе, а также рассуждает о перспективах развития проблематики византийского иконоборчества. Цель Введения — объединить разношерстную информацию из статей авторов компендиума в одно повествование. По сути, Введение отражает ключевые выводы коллектива авторов и может рассматриваться как расширенное *Summary* монографии.

Первая часть коллективной монографии посвящена тому, как христианский мир относился к священным изображениям до иконоборческой эпохи, и представлена двумя статьями⁶. Исследователи обращают внимание на следующее: в богословских текстах до VI века тема священных изображений была незначительной, что указывает на то, что христианское искусство в целом не рассматривалось как сомнительное. Сложность и богатство раннехристианского искусства не отмечены и не отражены в древних текстах. VII век ими рассматривается не только как время глубокого кризиса, но и как решающий период трансформации между поздней античностью и ранним средневековьем. Тогда же наблюдалось два тесно связанных друг с другом явления: основание монастырей аристократической элитой и украшение церквей монументальными изображениями Христа, которые олицетворяют определенную позицию в недавних христологических дебатах, которые ускользают от контроля епископов и императоров.

Вторая часть, состоящая из трех статей⁷, затрагивает источники, по которым можно попытаться реконструировать происходившие в VIII–IX вв. события в Византии. Ученые попытались максимально подробно описать все имеющиеся типы источников по византийскому иконоборчеству: истории, хроники, письма, постановления церковных соборов, богословские трактаты, агиографические произведения и материальные источники⁸. М. Хамфрис и Дж. В. Торгерсон выделили общий элемент для историй, хроник и писем, который они назвали концепцией отбора. Все эти типы текстов — хроники, истории и письма — были отобраны и упорядочены, а затем переданы нам посредством повторения подобного процесса. М. Хамфрис вместе с Дж. В. Торгерсоном предлагают рассматривать такого рода источники не как пассивную запись, а как активное утверждение и целенаправленное изложение отдельных событий.

Р. Прайс в своей статье утверждает, что в некоторых текстах постановлений церковных соборов, богословских трактатов и житиях есть следы переписывания и интерполяции, и на вопросы о том, когда и кем они были написаны, часто очень трудно ответить. Автор признает, что тексты были сформированы в соответствии с их жанром таким образом, что это может затемнить или исказить информацию, которую мы ищем. Прежде всего наша доказательная база чрезвычайно однобока. Неизбежно мы знаем больше о победившей стороне, чем о проигравших. Но Р.

⁶ *Jensen R. M. Figural Images in Christian Thought and Practice before ca. 500. P. 109-143; Anderson B. Images in Byzantine Thought and Practice, ca. 500–700. P. 144-187.*

⁷ *Humphreys M., Torgerson J. W. Chronicles, Histories, and Letters. P. 191–229; Price R. Acta, Treatises, and Hagiography. P. 230–260; Feist S. Material Culture. P. 261–321.*

⁸ Следует отметить, что в историографии проводилась попытка систематизации источников по византийскому иконоборчеству. См.: *Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the Iconoclast Era (ca 680–850): The Sources. 2000.* Во многом компендиум 2021 года продолжил наработки Л. Брюбейкер и Дж. Хэлдона.

Прайс настаивает на мысли, что, хотя скептицизм полезен и часто оправдан, не следует заходить с ним слишком далеко. В частности, мы можем преувеличить масштабы целенаправленного разрушения, подавления и дезинформации со стороны иконоборцев. Вероятно, главная причина, по которой сохранилось так мало текстов иконоборцев, считает Р. Прайс, заключается в том, что практически не было стимулов переписывать их работы (дорогостоящий процесс!), как только они были объявлены еретическими, в отличие от текстов тех, кого помнят как поборников ортодоксии.

С. Файст, изучавшая материальные источники эпохи, пришла к выводу, что преемственность по отношению к прошлым эпохам и характерные особенности периода иконоборчества лучше всего видны в сохранившихся церквях. Почти все они были позднеантичными постройками, и даже при проведении значительных ремонтных работ были предприняты значительные усилия для сохранения их внешнего облика. Более того, хотя свидетельств мало и их трудно датировать, кажется, что по крайней мере в некоторых церквях использовались фигурные изображения, например пророков. Возникла новая декоративная схема, призванная отразить небесную иерархию и помогающая отделить священное пространство церкви от профанного и мирского. С. Файст утверждает, что в каком-то смысле период иконоборчества заложил основы для церквей более поздних византийских эпох. В конце статьи автор высказывает мнение, согласно которому мир, несомненно сформировавшийся под влиянием иконоборчества, был более сложным, чем просто противостояние иконоборцев и иконопочитателей.

В *Третьей части* дается исторический обзор двух периодов иконоборчества, причем каждому из периодов посвящена отдельная статья⁹. В целом можно отметить, что авторы не высказывают принципиально новых идей относительно того, как протекало иконоборчество в Византии. М. Хамфрис и М. Ф. Озпи развивают ту картину, которая была предложена Л. Брюбейкер и Дж. Хэлдоном в их капитальном труде¹⁰.

В трех статьях¹¹ *Четвертой части* речь идет о богословии иконоборчества. Исследователи задались целью рассказать о том, какие были теологические дебаты, и как мы можем их реконструировать. Авторы вопреки господствующей тенденции в историографии не считают теологию второстепенной проблемой, несмотря на то что она никогда не была единственной. Скорее, по их мнению, велись интенсивные дебаты по множеству взаимосвязанных тем, в том числе и теологических. Э. Лаут и К. Пэрри подробно описывают аргументы за и против иконопочитания и дают выжимку из наработок предшественников. Д. Краусмюллер размышляет на темы культа святых, мощей и традиций монашества и утверждает, что неверно считать, будто бы все иконоборцы помимо отрицания икон не признавали культ святых, не почитали мощи и боролись с монашеством.

Пятая часть, в которой имеются две статьи¹², дает читателям представление о том, какое иконоборчество было на Востоке (помимо Византии) и Западе. К. К. Сахнер, исследуя иконоборчество восточнее Византии, остановился на положении, согласно которому ислам и его запрет на изображение священного оказал определенное влияние на византийское иконоборчество. Не принимая полностью легенду о том, что император Лев III, который начал иконоборчество в

⁹ Humphreys M. First Iconoclasm, ca. 700–80. P. 325–367; Auzépy M.-F. The Iconophile Intermission and Second Iconoclasm, 780–843. P. 368–397.

¹⁰ Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the iconoclast era c. 680–850: a history. 2011.

¹¹ Louth A. The Theological Argument about Images in the 8th Century. P. 401–424; Parry K. The Theological Argument about Images in the 9th Century. P. 425–463; Krausmüller D. The Problem of the Holy: Iconoclasm, Saints, Relics, and Monks P. 464–493.

¹² Sahner C. C. Images and Iconoclasm in Islam, ca. 600–850. P. 497–537; Noble T. F. X. Iconoclasm, Images, and the West. P. 538–570.

Византии, был «сарацински» настроен, автор статьи все-таки подчеркивает, что доля правды в данном утверждении хрониста Феофана присутствует. К. К. Сахнер отмечает, что арабские завоевания стали большой трагедией для Восточной Римской империи и вызвали много размышлений в последующие годы. Пытаясь объяснить эти потери, византийские христиане пришли к выводу, что завоевания были своего рода божественным наказанием за греховность. Конечно, нужно было искупить много грехов, но одним из самых серьезных, возможно, было почитание изображений форма идолопоклонства, которая поразила империю и которая теперь должна быть уничтожена. Если это так, то ислам, несомненно, оказал глубокое влияние на последующие события.

Т. Ноубл написал статью на основе своей прорывной монографии, которую он издал в 2009 году¹³. Он отмечает, что на Западе было зафиксировано всего два случая открытого иконоборчества: первое — в конце VI века, и связано оно с Сереном Марселльским; второе — первая четверть IX века, имя иконоборца — Клавдий Туринский. Т. Ноубл обращает внимание на то, что вопросы о почитании священных изображений на Западе в VIII–IX вв. поднимались в связи с Византией. Папа Римский всегда был сторонником иконопочитания, в то время как франки занимали промежуточную позицию между иконоборчеством и иконопочитанием (*via media*), и данная позиция нашла отражение в двух текстах — *Libri Carolini* и в постановлениях Парижского собора 825 года.

В заключение стоит подчеркнуть то огромное значение, которое имеет рассмотренное издание для медиевистики, византистики, истории искусства и церковной истории. Без обращения к данному труду невозможно быть специалистом в указанных сферах истории VIII–IX вв. Еще долгие годы этот компендиум будет путеводной звездой и маяком для понимания всей сложности и запутанности темы византийского иконоборчества.

Н. С. Введенский, студент Кафедры истории Церкви

¹³ Noble T. F. X. *Images, Iconoclasm, and the Carolingians*. 2009.